

Кругозор

1965

Кругозор

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЗВУКОВОЙ ЖУРНАЛ

- МУЖЕСТВО ПРОТИВ
АРКТИКИ
- КРАСНЫЙ КРЕСТ
НА БРОНЕ ВЕЗДЕХОДА

Фороже

- ПИЛОТ ЛАПТЕВ
ПРИНИМАЕТ
СМЕЛОЕ РЕШЕНИЕ
- ЗАПИСАНО
В ТОТ ЖЕ ЧАС

Смотрите страницы 8—9.

нет ничего

..... ТИКСИ..... ТИКСИ....

..... ПО СРОЧНОМУ САНИТАРНОМУ ЗАДАНИЮ

..... ОТВЕТ СИВ.....

ЛЕНИНИН

К. ФЕДИН

Я узнал, что Горький хочет сговориться со мной о свидании.

...Останавливая на мне потвердевший, прямой взгляд, он говорит отрывисто, языком исследователя, и странно печален его голос. С холодным недовольством и очень умелыми, изысканными ходами мысли он разывает материю и в то же время с грустью смотрит на волонна, остающиеся после этой сердитой работы. Да, недостает культурных задатков в массах, недостает работников культуры, и потому возможность скорого сдвига от буквы к жизни исключена.

— Исключена, — повторяет Горький, ставя упорную точку.

Но вдруг он приостанавливается, у него чуть-чуть расходятся сдвинутые брови, он подносит руку к усам.

— Пожалуй, исключена, — добавляет он.

Его лицо теплеет, глубже и глубже делаются складки на щеке, и почти весело он опровергает себя:

— Была бы совсем исключена, видите ли, если бы не один человек, да-с. Есть один человек, который все превосходно понимает и отлично видит. Отлично.

Горький молчит, улыбаясь и с удовольствием видя, что я понимаю его. Потом произносит мягким, низким басом:

— Ленин.

Речь его переходит в совершенно новый строй, он сам будто заслушивается музыкой своих слов:

— Ленин — человек замечательный. Большого ума человек, невиданно большого... Он гибкий. С ним говорить и трудно и легко. Приходишь к нему с определенными мыслями, он выслушивает и сразу выставляет все контра, какие только могут существовать. Возражает всесторонне... И уходишь от него переубежденным, но, нажатся, еще более упроченным в своих взглядах, чем пришел. Это у него такой особенный агитаторский прием. Совершенно особенный...

...Ленин — ум прантический, необыкновенно быстро все схватывающий, безболженно применяющий... Вот его последняя речь о единоначальном управлении. Мы говорили с ним об этом год назад. Тогда это еще не сознавалось необходимо. Теперь сознается. Я уверен, что Ленин под-

готовил многих к такому взгляду, прежде чем выступить с речью...

Клубы дыма быстро завешивают его. Он раскуривает новую папиросу от только что докурившей. Сильные руки его хорошо сложены, большие пальцы ровно сужаются и ногтем, папироса, мундштук очень идут к этим пальцам. Все движения, самые маленькие, вплоть до отряхивания пепла, неторопливы, даже медлительны, но точны, не множественны, в каждом из них видно, что они делаются человеком, не знающим бесцельных движений...

Притрагивался к немногим вещам, точно проверяя их наличие, — синий карандаш, пепельница, очки, линованные листы бумаги — он рассказывает:

— Мне все чаще приходится иметь дело с нашими учеными. Удивительные люди! В самодельных перчатках, ноги — в одеялах, сидят, понимаете ли, у себя в кабинетах, лишут. Будто с минуты на минуту явится караул, проверить — на посту они или нет. ...По Уралу, в непроходимых горах, бродят — составляют фантастические коллекции драгоценных камней для Академии наук. Месяцами не видят куска хлеба. Спрашивается — чем живы? Охотой живы, как дикари, да-с! И это, знаете ли, не Калифорния, не золотая лихорадка. Бессребреники, а не добытчики в свой сундук. Гордиться надо таким народом...

...Спасать надо русскую науку... Продовольствия нужно, хотя бы самой дорогой ценой, продовольствия...

...Раньше, знаете ли, со мной никогда такого не бывало: сердечные боли и ноги припухают. Недостаток фосфора. Сахару нет...

Он резко приостанавливается... и растолковывает педагогично:

— При нашей работе нервов без фосфора нельзя...

Он оживляется:

— Перед приходом вашим был у меня профессор Ферсман. Он только что беседовал по прямому проводу с Лениным о делах комиссии по улучшению быта ученых. Ленин очень отзывчив и готов помогать. Ферсман заверяет: Ленин за интеллигенцию...

Опять я вижу его говорящим о Ленине. Едва уловимой игрой мимики, отрывистым движением плеч он с ласковой шуткой изображает разговор: Горький — Ленин...

Отрывки из воспоминаний К. Федина «Горький среди нас», написанных в начале 40-х годов.

СКОЛЬКО ДРУЗЕЙ У МЕНЯ

перебираю свои воспоминания, пытаюсь найти тот день, когда впервые узнал Ленина.

Я был безработным, бежал от ареста и ждал места на шахте во Франции. Там, в департаменте Гар, познакомился с французами, поляками, испанцами. Все с разными акцентами, они говорили о Ленине, как о легендарном человеке, который был

для них гением Добра. В этом черном от угольной пыли крае люди тянулись к ленинскому свету. С ними я работал в профсоюзах, организовывал стачки. Тогда и увидел: у меня есть братья и за пределами родины.

Однажды, гуляя по Монмартру, вышел к дому на улице Мари-Роз, где жил Ленин. Не могу вспомнить все, что виделось мне тогда, о чем передумалось, но через несколько дней прочитал работы «Государство и революция», «Детская болезнь «левизны» в коммунизме».

И вот Москва. У кремлевской стены, в Мавзолее, я наконец вижу Ленина. Бесконечная цепочка людей с цветами. Они, как и я, пришли увидеть того, кто никогда не умрет.

После шести лет, проведенных во французской тюрьме и концлагере, я тяжело заболел. Советская страна меня лечит. И снова я в Москве. И снова вижу Ленина.

Я знаю: где-то в алжирских деревнях перед маленькой фотографией это имя произносят тысячи людей, в чью жизнь, в чье сердце также вошел он, Ленин.

Абдель Хамид БЕНЖИН,
алжирский писатель

.....

МОЙ ПЕРВЫЙ ЛЕНИНСКИЙ СНИМОК. Я сделал его на параде Всевобуча 25 мая 1919 года. В. И. Ленин стоял на платформе грузовика. Рядом — начальник Всевобуча Л. Марьясин и венгерский коммунист Тибор Самуэли. Владимир Ильич говорил: «...мы становимся уверенными, что Советская власть завоевала сочувствие рабочих всех стран...»

Я слушаю Ленина. Забываю про свое задание. Но кинооператор, стоящий рядом, начинает съемку. И я вспоминаю о фотоаппарате.

Мои снимки, на которых запечатлен В. И. Ленин, я видел в журналах и газетах. Но этот видеть не приходилось. Поэтому я обрадовался, узнав, что мой негатив хранится в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, а снимок публикуется в «Кругозоре».

К. КУЗНЕЦОВ,
кинооператор

Гравюра П. Н. Староносова.

дневнике Э. Г. Казакевича есть запись:

«Всю мою жизнь меня больше, чем все другие люди на свете, интересовал Ленин. Вначале, в годы детства и юности, интерес этот был навеян взрослыми. Я не знал и не мог понимать Ленина, мне хватало веры в него, веры почти религиозной и не нуждающейся в анализе. Я не мог

быть объективным. Начал узнавать Ленина я значительно позднее, когда мне было за двадцать и когда я с готовностью и непримиримостью молодого человека стал подвергать сомнению все на свете, иначе говоря — проделывать в собственном мозгу опыт поколений, усвоенный мной раньше «на веру».

И вот уже в зрелом возрасте Казакевич решил писать о Ленине. Он стал читать газеты, выходящие в поле — августе 1917 года, не только большевистские, но и меньшевистские, кадетские и иных толков, полные нападок и клевет на Ленина и большевиков, встречался со старыми большевиками-петроградцами. Потом поехал в Разлив, побывал в шалаше, размысел Емельянова, у которого в доме на чердаке скрывался Ленин и который устроил мастерскую с шалашом и сенокосом.

Публикация дневниковых записей Э. Г. Казакевича подготовила Г. О. Казакевич,

«Начиная свою работу, я точно знал, что трудность воплощения в литературе образа Ленина необыкновенная... Приступая к работе, я видел буйварно глазами всю почти вогнутую крутизну этого замысла, всю многоступенчатость предстоящих препятствий. Я знал наперед, что не могу исчерпать сокровища этого необычайно целенаправленного, изощренного и чуткого интеллекта, сложнейший ход его мыслей, чаще всего слишком глубоких или же слишком злободневно-политических, чтобы они могли вполне войти в таинственные, изменчивые, чуть туманные края искусства. И все-таки я рискнул».

По поводу своей работы над повестью «Синяя тетрадь» Казакевич писал:

«Самоограничение автора. Нельзя вмешиваться автору, когда герой — Ленин. Прямая ленинская речь, назло беллетристике. Но тогда все мысли, вызвавшие и жизни замысел, выходят из игры. Автор имеет перед героем одно преимущество: он знает, что было после 24-го года. Но использовать это преимущество он не имеет права, он сам отказывает себе в этом праве... Надо перево-

Эм. КАЗАКЕВИЧ

Писать о Ленине

плотиться в него хотя бы на мгновение и узнать го, что знает он...»

«Как это трудно. Чтобы писать о нем, надо быть на его уровне. А так как это невозможно, то надо догадываться обо многом художнически...»
«Нужна абсолютная свобода при изображении живого Ленина. То, что рассказывается, могло и не быть в действительности; но оно могло бы и быть; более того, оно должно было быть».

«Задача эта несколько проще в кино и в театре — не потому, что повесть о Ленине труднее написать, чем пьесу, а потому, что в пьесе о Ленине на сцену выходит актер, загримированный под человека, которого мы любим. Увидев его лицо, походку, жесты, услышав милый нашему сердцу картавщий говорок, мы готовы многое простить, мы готовы примириться с несовершенством текста. Мы испытываем искреннее удивление и благодарность и чудесным людям, давшим нам возможность как бы видеть и слышать умершего гения. Литература не может дать эту иллюзию. Что же она может? Она может показать ход мыслей. Согласитесь, что, когда речь идет о мыс-

лителе, ход мыслей играет некоторую роль. Но задача эта необыкновенно сложна и именно потому, что речь идет о мыслителе».

«Ленин весь в словах, как рыба в чешуе», — потрясающе точно выразился Горький. Это обстоятельство необычайно затрудняет художественное воплощение его личности. Верно, личность его отображена с поразительной силой в его произведениях! Но разве может писатель писать произведение о произведениях! Прибавьте к этому органическую ненависть Ленина и позам и внешним эффектам, к остротам, заготовленным заранее людьми, мнящими себя великими, ко всей мишуре внешнего блеска, прибавьте к этому колоссальную непосредственность Ленина, непосредственность, свойственную вообще выдающимся русским людям, — это отмечал еще Чаадаев... Что может быть труднее, чем отразить ход мыслей такого человека в художественной литературе?

И, наконец, последнее препятствие: я люблю его. Его любят миллионы людей. Не было на памяти многих веков другого человека, которого так любили бы. Восторг не содействует объективному изображению, любовь слепит глаза, лишает твердости пишущую руку».

И вот повесть окончена.

«Я льщу себя надеждой, что в этой вещи все-таки чувствуется дыхание времени. Что образ Ленина — даже в моем несовершенном, хотя и правдивом, изображении — способен обогатить, и облагородить, и наполнить горением сердца людей; наконец, моя попытка приведет к тому, что многим читателям захочется почитать Ленина, просто почитать, вне всяких учебных планов, не для отчета, не для получения дипломов или отметок и не для удовольствия парторга либо комсорга, а просто почитать, как читают прекрасные книги, чтобы в одиночестве насладиться упорительной правдой, умом, страстью и любовью к трудящимся людям — всем тем, чем полон наш Ленин. Если моя маленькая повесть, плод большого труда и любви к Ленину, сделает только это, то и в этом случае я буду уверен, что недаром писал ее».

Спустя три года, когда повесть «Синяя тетрадь» была напечатана в журнале, Казакевич писал в дневнике:

«И вот повесть написана и даже напечатана, — а напечатать ее было не легче, чем написать, — и я ставлю перед собой вопрос: что мне удалось? что мне не удалось?»

На этот вопрос могут ответить только мои читатели. Я же опять болею своей застарелой болезнью — неудовлетворенностью и недовольством собой. И перед моими глазами марчат еще зыбкие очертания другой повести о Ленине, нашем учителе, нашем великом спутнике. Может быть, в той повести я сумею досказать то, что не досказано...»

На второй звуковой странице вы услышите фрагменты поэмы А. Вознесенского «Лондон» и исполнение артистов Московского театра драмы и комедии.

Плакат кубинского художника Хольбеина.

Эчеваррия

Дула пистолетов застыли перед микрофонами. Дикторы радиостанции «Релок» замерли. Вдох, сделанный для очередной фразы, остался в легких. Хосе Эчеваррия подал знак не включать микрофоны и жестом, исключавшим неподчинение, заменил текст. Потом дула пистолетов качнулись. И диктор выдохнул первую фразу — сообщение о нападении на дворец диктатора Батисты.

Эчеваррия стал говорить сам. Это было обращение к народу Кубы. Студент провозглашал события, которые по плану революционеров должны были происходить в эти минуты. И они происходили...

Когда радиостанцию отключили, Эчеваррия с друзь-

ями бросился к президентскому дворцу, но был убит в перестрелке. Короткая жизнь. Короткая речь. Бессмертие...

Это было 13 марта 1957 года. Захлебнувшееся восстание в Гаване стало героическим прологом к победоносной революции.

Магнитофонная пленка, записанная в тот день с эфира безвестным радиолюбителем, цела. Ее слышала вся Куба. Эта пленка рассказывает о последних минутах жизни героя, о его подвиге.

В. ЛУГОВ,

наш спец. корреспондент.
Гавана,

Слушайте третью звуковую страницу журнала.

СТРАСТИ ПО ПОТЕПАЛУ

Н. ОХЛОПКОВ,
народный артист СССР

И. Серебряный.
Портрет Шостаковича.

Когда-то, слушая баховские «Страсти по Иоанну» и поражаясь силе музыкальных образов, я мечтал о том, чтобы в советском искусстве зазвучали столь же глубокие человеческие страсти. И вот я слышу подлинную страсть, самую сильную и великую из страстей человечества — стремление к сво-

бодe. Эта страсть — удел человека, святым она недоступна. Тема свободы возникает в глубочайшем строе музыкальных образов и ассоциаций, достигает своего апо-

гея и как бы с самой высокой точки обрушивается на вас, рождая в душе истинный катарсис. Это новое произведение Д. Д. Шостаковича на стихи Евгения Евтушенко — вокально-симфоническая поэма «Казнь Степана Разина».

Сколько лет я мечтаю осуществить постановку трагедии, равной

Публикуется

Александр ЯШИН

Рассказ

— Опя-ать каша!

Борька сидел с полным ртом, сопел, дулся и смотрел на всех сердитыми глазами. Его уговаривали, ругали, пытались задобрить. Но ничего не помогало. Обеденных часов в семье стали бояться, как наказания. Мать нервничала, отец рывком вставал и уходил из-за стола.

Горю помог соседский мальчик Ваня. Как-то во время еды, когда за столом не усидела даже многотерпеливая мать, Ваня сказал Борьке:

— Я тоже не люблю кашу, но это ничего. Я тебя научу, будет интересно. Давай делать дорогу.

Борька посмотрел на товарища сквозь слезы, подумал и кивнул головой. Тогда Ваня устроился с ним рядом, пододвинул к себе тарелку, взял ложку из его рук.

— Сначала сделаем тропинку для велосипеда, вот так! — сказал он, провел узкую бороздку через всю тарелку и ложку, полную каши, передал Борьке. — Пройдет велосипед?

Борька хмыкнул, но спорить не стал:

— Пройдет. А кашу куда?

Ваня пожал плечами.

Тогда Борька съел кашу и облизал ложку. А Ваня сказал:

— Сейчас сделаем дорогу такую, чтобы по ней можно было проехать на машине. Делай сам!

тому, что создал в музыке Дмитрий Шостакович!

В своем воображении я уже воплощаю «Казнь Степана Разина» в театре. Мне хочется, чтобы это был монументальный театр с открытой площадкой или открытая площадь и ступеньки Успенского собора, — когда-то я думал поставить так пушкинского «Бориса Годунова». Я вижу возможность слияния форм древнегреческого театра с сегодняшним размахом искусства, вижу широкие пантомимы, вижу мощные образы, слышу многоголосый хор.

Вижу, как народ замер, потрясенный жестокостью расправы над Разным: он вынужден молчать, не протестовать, но это грозное молчание — как многозначная ремарка Пушкина: «Народ безмолвствует».

Народность — вот душа творчества Шостаковича. Я снова возвращаюсь мыслью к созданию Баха: «Страсти по Матфею», «Страсти по Иоанну» — это евангелические повести. Но победнее другое: жизнь — повесть героя, в которой запечатлена народная борьба. И мысленно называя ее «Страсти по Степану», я говорю: я счастлив, что услышал новое создание талантливейшего композитора.

СОЛОВЬЯНЕНКО

А. ИОНОВ

Фото Г. Назричевского.

После конкурса «Милан против всех» стало известно: среди победителей — песня «Подмосковные вечера» и ее исполнитель Анатолий Соловьяненко.

Певец отвечал на вопросы корреспондентов. Родился в Донбассе, в поселке шахты «Первомайка».

После института — преподаватель начертательной геометрии. Первый учитель? Александр Николаевич Коробейченко — заслуженный артист республики. Девять лет занятий — девяносто уроков, только тогда учитель разрешил выступать в художественной самодеятельности. Потом сцена киевской оперы, Дворец съездов, наконец, Милан. И Италия — это тоже школа, труд, тяжелый и необходимый.

Борька взял ложку в обе руки и со скрежетом заскреб дно тарелки. Дорога получилась широкая, но неровная.

— Подчисти! — посоветовал Ваня.

Борька подчистил, склонив голову набок.

— Сейчас и «Москвич» пройдет, — убежденно сказал он.

— «Москвич», пожалуй, пройдет, а «Волга»? Дарай для «Волги»!

Игра Борьке понравилась. Он ел кашу старательно, с удовольствием.

— Это уже большак, — сказал Ваня, когда посреди тарелки, на проезжей ее части, показался зеленый цветок. — Теперь даже грузовики с зубром и медведем могут разойтись.

Борька подровнял ложкой край большака справа и слева, набрал еще ложку каши и, прожевышав, подтвердил:

— Разойдутся и медведь с зубром.

Наконец каши осталось совсем мало, Ваня решительно посмотрел на Борьку.

— Что будем делать с обочинами? — спросил он.

А Борька уже улыбался весело и хитро. Теперь-то он знал, что надо делать с обочинами. Каша перестала называться кашей.

— Съем и обочины! — сиял от радости, заявил он. — И будет у меня теперь не дорога, а аэродром. Реактивный, верно? Нет, ракетный!

— Вот так! — засмеялся довольный собою Ваня. И было им хорошо друг с другом.

ПЯТЕРО ПРОТИВ АРКТИКИ

Они действовали так:

Начштаба Степан Равчак:

— *Вернуть в Тикси, разгрузить и направить по срочному заданию!*

Бортрадист Саша Гурский:

— *Станнах-Хачо... Станнах-Хачо... Через десять минут...*

Пилот Саша Лантев:

— *Я—4284, Иду на Станнах-Хачо без разгрузки.*

Радиот из Станнах-Хачо
Гали Романова:

— *Тикси, Тикси... райздрав, райздрав...*

нет

Хирург
Светлана Тенешток:

— *Скальпель!*
— *Ножницы!*
— *Зажим!*

Подробный рассказ о битве людей с Арктикой на четвертой лунной странице.

ничего дороже

ФИЗИКА В ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ СТЕНЕ

Репортаж

ДИСКУССИЯ

— Так в чем же суть? —
навис вопрос.
И сто гипотез — под откос,
И сто запретов — под запрет,
Дымит вулканы сигарет.
А доктор, мел стерев с лица,
Глядит с наивностью юнца.
В покое, связях и в рывке
Мир схвачен, взвешен на доске.
Сдаются в плен, открывши лица,
Элементарные частицы,
Пылают формулы сурово,
Даруя истине дар слова.
О мирозданья крупный план!
О рана бытия — уран!
Бушует сердце. Ясен взгляд,
В стекло очков — вопросов град,
А доктор множит на лету
Все сложное на простоту...
И вдруг с доски хохочет Сфинкс,
Мир снова — знание плюс икс.

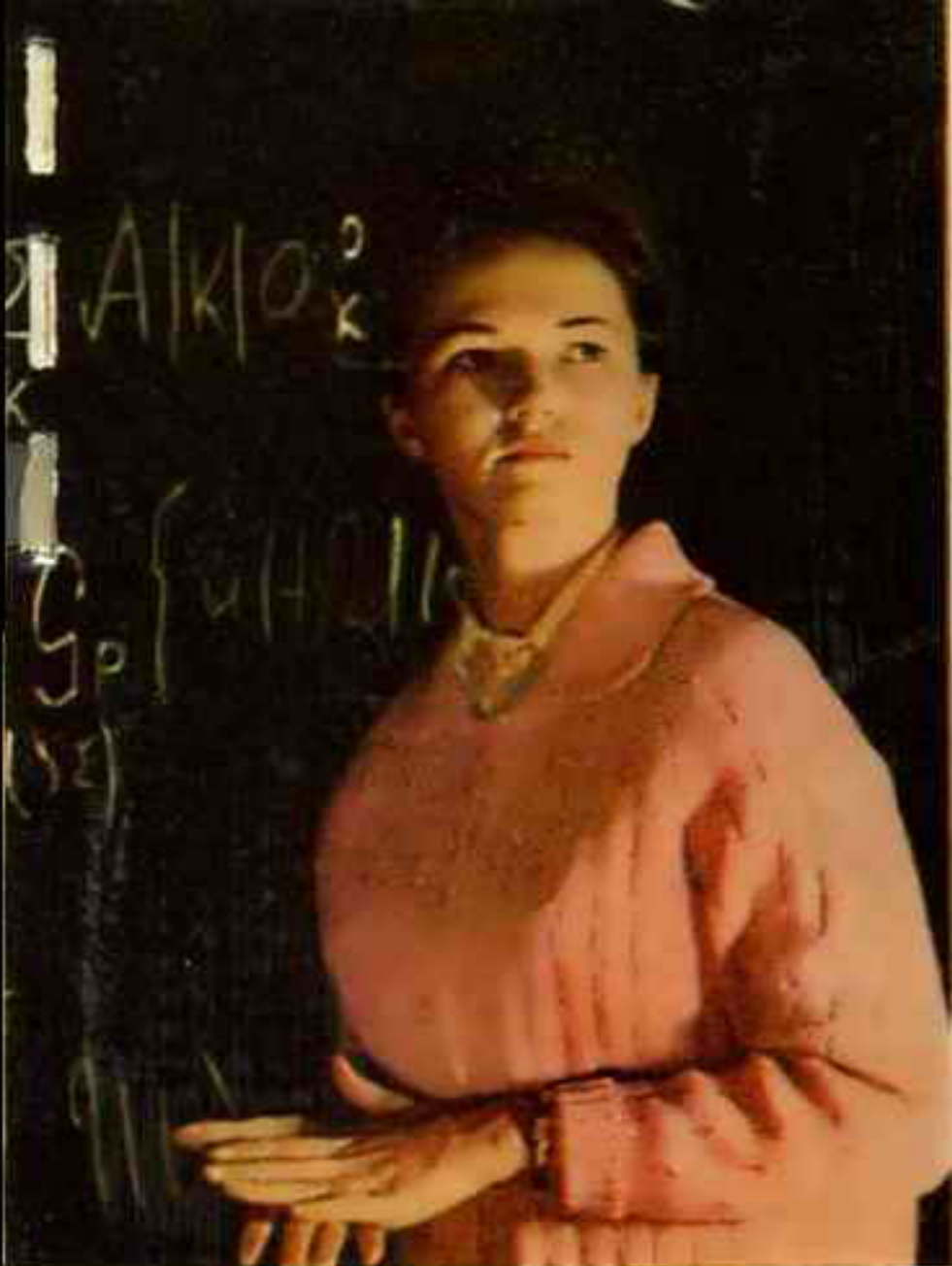
СВЕРХЗАДАЧА

Через кафе — и в Дом ученых,
Нет номерков: упразднены.
Ворчат на Понтекорво жены:
Опять мужья вовлечены
В симпозиум. Он днем закрылся,
Но доругаться каждый рад.
Буфет в трибуну превратился,
И сдача сыплется в доклад.
Недолго держится оратор,
Нет аргументов — пей кисель.
Назначил экспериментатор
Двум теоретикам дуэль,
Стреляться синхрофазотроном,
У окон — тише голоса.
Через стекло и даль влюбленным
Дают созвездья адреса.
Потом, подставив снегу лица,
Идут меж тополей и дач.
Над ними небо — как столица.
Горят созвездия задач.
Джульетта спорит о распадах,
Про снег нейтронщины поют,
И знает лишь инспектор надров,
Кто лирик и кто физик тут.
А Волга словно без усилий
Бьет в гонги электрограммад
И вписывает всю Россию
В пейзажи атомных палат.
Пекарни теплое дыхание
Антенн насаетса, паря.
И — кирпичами мирозданья —
Играют хлебом пекаря.
Как электроны равнозначны,
Так равнозначна суть труда.
И не важны для сверхзадачи
Посты, профессии, года.
Задача та потоньше квантов:
Ядро сверхсчастья расщепить...
И сумме всех земных талантов
Здесь ускорителем служить.

СТУЖА

Звезды мчатся, как голуби...
Не сорваться бы им!
Океановы проруби
Дышат паром седым.
Стаи айсбергов кружат,
Иней млечный блещит,
Торпедирует стужу
И поной динамит.
Парни паром из глоток
Дуют в щель нулака,
И дымится работа
И земные бока.
Ускорители метят
Прямо в ребра основ,
Пар валит по планете
Из морей, изо рта.

Я. А. СМОРОДИНСКИЙ,
доктор наук.

ВЕЧНЫЙ ПОЕДИНОК С ПРИРОДОЙ

Звуковая страница № 7

Дубна, 1965

Она для них на дальнем берегу.
Мосты когда-то, может быть, и были.
Пусть только те мосты перебегут,
Кто звезд гостеприимство заслужил.
Мы люди. Задран в небо лоб.
Рук плоскости над миром распластали.
Мы разгоняем нашу Землю, чтоб,
Как полустанки, звезды пролетали.

Игорь САРКИСЯН

На снимках фотокорреспондента
А. Лидова:

В. Ерминов. Трансурановая руда.
Бруно Понтекорво. Реплика.
Алла Шелест. Диссертация.
Михаил и Денис Шафрановы. Докум.

МЫ — МАРСИАНЕ

Мы — марсиане. Пишет пламень глаз.
Рун плоскости над Марсом распростерты.
Зыбь прошлого уначивает нас.
И будущим мы и космосу приперты.
Тончайшие из зовов бытия
Пulsируют под черепной коробкой.
В нас ожил мир, как над собой судья,
И телескоп глядит прямой наводной.
Шивал суеты и пережитков шивал
Сбивает с ног и прижимает к Марсу.
Но мысль взлетает, как девятый вал,
И мы выходим к звездам фасом и фасу.
Земля над солнцем делает круги.
Меняются истории пейзажи.
Мы — марсиане для планет других.
Земля — что Марс. Молчит и будоражит.

Монтегюс—сын коммунара

В. ДВИНИН

Работая в Париже корреспондентом Московского радио, я, как и другие советские журналисты, собирал материалы о пребывании во Франции В. И. Ленина.

В свободные часы Ленин посещал кафе и маленькие театры рабочих окраин, в которых выступали популярные певцы — шансонье. Среди них, вспоминает Н. К. Крупная, больше других Ильичу нравился Гастон Монтегюс.

Монтегюс — сын коммунара из Бельвиля, парижского предместья, известного революционными традициями. Школой его, как и дру-

гих парижских гамзнов, стала улица. Двенадцатилетним подростком он уже зарабатывал себе на хлеб.

По воспоминаниям современников можно составить портрет Монтегюса той поры, когда с ним познакомился Ильич. Невысокого роста, очень худой, с огромными черными глазами, лихорадочно горевшими на бледном лице, он выходил на сцену в синей рабочей блузе. Шей повязана красным платком.

Записей голоса певца обнаружить не удалось. Их не оказалось среди шести миллионов грампла-

стинок и магнитных лент, хранящихся в фонотеке французского радио, хотя восьмидесятилетний Монтегюс умер в 1952 году.

Недавно друзья прислали мне долгоиграющую пластинку с десятью песнями из репертуара Гастона Монтегюса. Их исполняет молодой певец Кристиан Борель в сопровождении оркестра под управлением Жоржа Дюрбана. Стало ясно, почему официальное французское радио не позаботилось сохранить голос знаменитого шансонье. Революционные куплеты Монтегюса и поныне звучат страстно, гневно. «Седые волосы, — говорится в его песне «Нельзя стареть», — это двойное несчастье: старость и нищета». А разве не актуально для сегодняшней Франции звучит песня «Чем тратить деньги на аэропланы...»: «Дайте Франции побольше плугов, дайте жилища народу Франции, дайте лучше пенсии старикам...»

С особым волнением слушаешь песню в честь солдат семнадцатого полка, которые отказались стрелять в восставших крестьян. Это была одна из любимых песен В. И. Ленина. Он часто напевал припев: «Хвала и честь! Хвала и честь вам, храбрые солдаты семнадцатого полка!»

Париж — Москва.

ВСТУПЛЕНИЕ К ПЕСНЕ

Нет, это еще не профессия, только увлечение, которое минувшей осенью привело девятиклассницу на экзамен в музыкальную училище, а потом в эстрадный оркестр Эдди Рознера.

Нина Бродская — юная солистка в белом платье школьницы-выпускницы — поет, не скрывая своей радости, и убегает со сцены. Это легко сделать в семнадцать лет. Гораздо труднее первый раз остаться в студии и ждать, когда загорится табло: ВНИМАНИЕ, МИКРОФОН ВКЛЮЧЕН...

Татьяна НОЙОНЕН

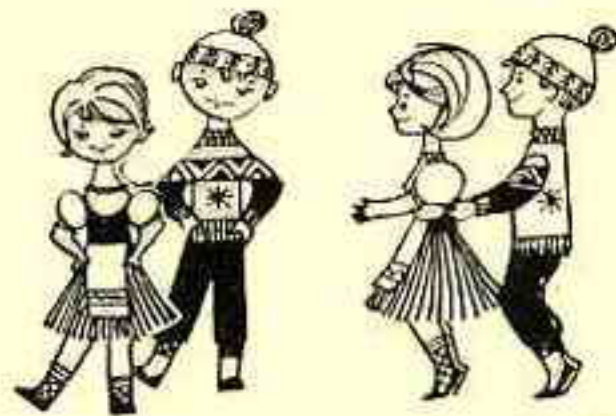
Финляндия танцует леткис, или летка-еиска, — модернизированный народный танец еиска, — уже четыре года. Это солидный стаж, потому что танцы приходят и уходят так же быстро, как мода. А леткис танцуют все и везде, даже туфли и кофейные чашки в рекламах телевидения. В День независимости Финляндии на балу во Дворце президента две тысячи гостей, в том числе министры и дипломаты, прыгали по залам.

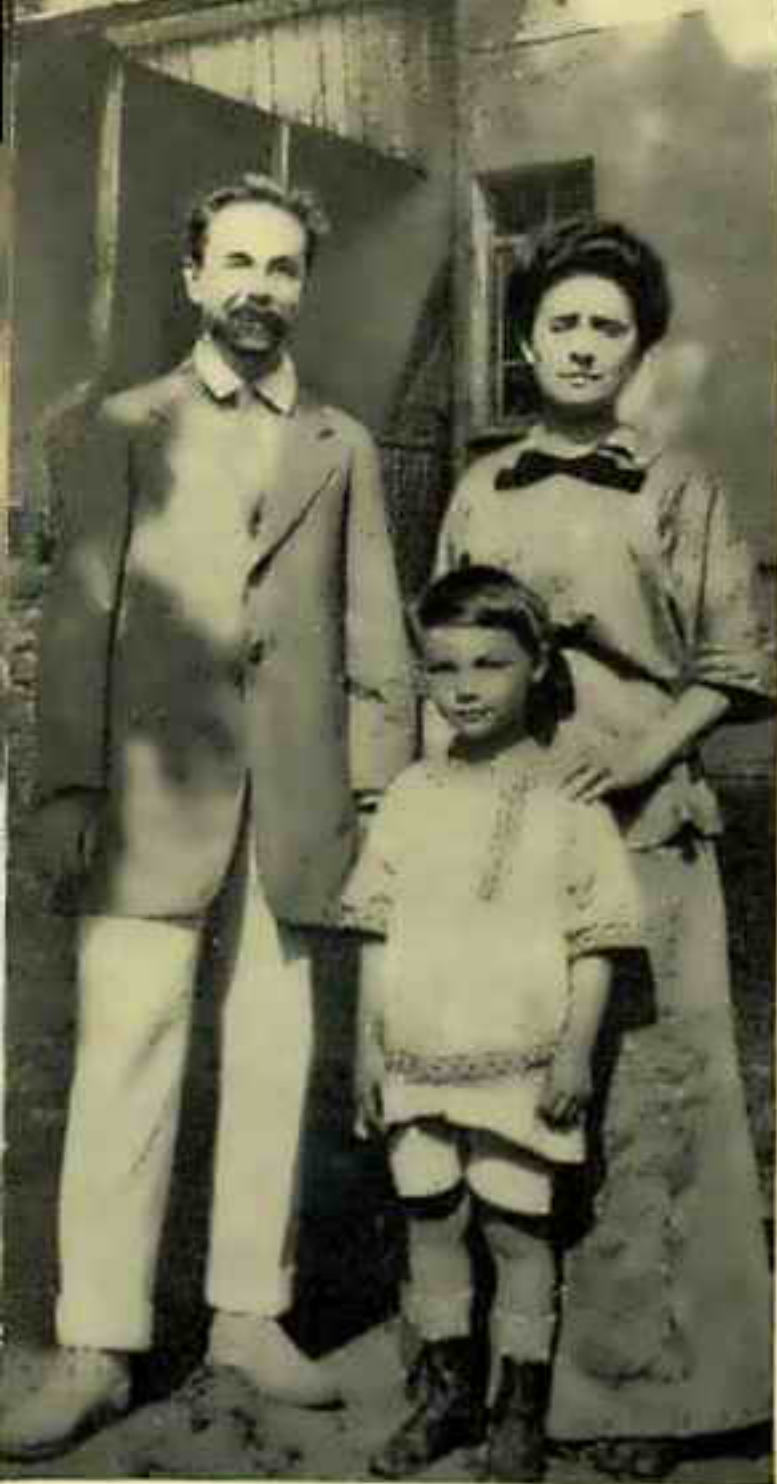
Финны считают леткис своим самым популярным танцем: его уже полюбили во многих странах.

Посмотрите рисунки, послушайте звуковую страницу, и вы станете почитателями леткиса.

Хельсинки.

ПРИГЛАШАЕМ:
ТАНЦУЙТЕ ЛЕТКИС!

Впервые я услышала о Скрябине в 1889 году, когда профессор Сафонов познакомил меня с худеньким мальчиком в мундире кадета. Все мы, ученики старшего отделения Консерватории, и не подозревали, что Саша, так же как и другой наш товарищ, Сережа Рахманинов, — надежда, будущее русской музыки.

В 1892 году Скрябин окончил Консерваторию по классу Сафонова, который первым приветствовал новое дарование, настойчиво пропагандируя произведения начинающего композитора. Годом позже и я завершила полный курс у профессора Шлецера. Кстати, его племянница Татьяна Федоровна впоследствии стала женой Скрябина.

В ту пору мы встречались с ним довольно редко, но я была свидетельницей гроз, которые бушевали над каждым его новым сочинением. И вообще «копья ломались» до конца тернистого пути Скрябина.

Пожалуй, самые дорогие для меня воспоминания относятся к тому времени (1912—1915 годы), когда Александр Николаевич и Татьяна

Федоровна снимали квартиру в Большом Николо-Песковском переулке (теперь улица Вахтангова). Своих детей Арнадну и Юлиану они отдали в нашу школу, которая тогда помещалась на Собачьей площадке. Говорю нашу потому, что еще в 1895 году три сестры: Евгения, Мария и я — основали «Музыкальное училище Е. и М. Гнесиных». Я вообще неравнодушна к детям, а «скрябинят» особенно любила. Так получалось, что после занятий и заходила домой к

Александр Николаевичу и приносила детям какие-нибудь игрушки.

У Скрябиных бывали известные музыканты, литераторы, художники: Александр Борисович Гольденвейзер, Василий Иванович Качалов, «намерники» — Алиса Коонен и Александр Таиров, художник Леонид Пастернак и его сын Борис, будущий поэт.

И последнее воспоминание. Была весна 1915 года. Скрябин зашел в нашу школу.

— Ну, как подвигается «Мистерия»? —

Александр Николаевич много лет вынашивал замысел грандиозного произведения.

— Осталась скучная работа — записать все на бумаге, — ответил он.

Но так и не успел.

Небольшая церковь в Николо-Песках. Слова, которые я запомнила на всю жизнь: «Его не разбудит ни земная слава, ни земные аплодисменты... Не говорите с печалью: «Его нет». Говорите с радостью: «Он был».

Елена ГНЕСИНА,
заслуженный деятель
искусств РСФСР

«Борьба вокруг Скрябина». «За или «против»? Больше «против».

Он только начал писать, а произведения его уже окрестили: «Сундук с украденными рукописями Шопена». Потом признали в нем новатора: «Скрябин?.. Это тот, который верит, что его музыка может преобразить мир?» Аплодисменты сражались с градом насмешек, когда он выходил на эстраду, преисполненный решимости разбить стену непонимания.

Творчество Скрябина — вызов, борьба, преодоление мрака в поисках радости, света, лучезарности. «Мирок должен исчезнуть, потому что искусство — праздник!» Фортепьянные произведения, симфонии, «Поэма экстаза» согреты огнем вдохновения, пламенем вспыхнувшим в «Прометее» — последнем крупном сочинении композитора. Дерзнувший похитить у богов огонь для людей, Прометей стал символом творчества, а значит, и всей жизни Скрябина.

На снимке:
А. Н. Скрябин с женой Татьяной Федоровной и сыном Юлианом. 1913 год.
Фотографии из фондов Музея имени А. Н. Скрябина.

**ГОВОРИТЕ
С
РАДОСТЬЮ: „ОН БЫЛ”**

Я СЕГОДНЯ В ЦВЕТЫ НАРЯДИЛСЯ

Негритянская песня

Николас ГИЛЬЕН

Вчера сухим я деревом был,
сегодня в цветы нарядился.
Вчера сухим я деревом был,
сегодня в цветы нарядился:
меня народ читать научил —
жот чудо! —
хоть сам, понятно,
читать отродясь не учился.

Вы спросите: где, чтобы мне
цветы мой народ нашел?
Вы спросите: где, чтобы мне
цветы мой народ нашел?
Он их собирал в то время,
в то время — вот чудо! —
и то самое время,
которое в Сьерре провел.

Слова научился я складывать
ловко,
я знаю теперь, в чем соль-то!
Слова научился я складывать
ловко — вот чудо! —
и знаю теперь, в чем соль-то!
Хотите, имя свое проставлю?
Имя и звание:
Хосе Мигель Карнесольтас.

Зовусь я
Хосе Мигель Карнесольтас,
представьте!
Хосе Мигель Карнесольтас
пред вами.
Хосе Мигель Карнесольтас,
приятель.
Хосе Мигель Карнесольтас,
пот славно!
Хосе Мигель Карнесольтас,
голубка,
Хосе Мигель Карнесольтас,
подумай!
Хосе Мигель Карнесольтас,
пот чудо!
Хосе Мигель я зовусь,
моя Куба.
Так меня кличут повсюду:
Хосе
Мигель.

Перевод с испанского
Инны Тыняновой.

«ПУРГА КАЧАЕТСЯ
НАД ДИКСОНОМ».
Фото В. Сакна.

СКАЛЬПЕЛЬ НА ГРАМПЛАСТИНКЕ

Хирург и композитор. По теории наследственности Ибрагим Топчибашеву суждено было стать и тем и другим. Его первые игрушки — отцовский шприц и скальпель, которыми он «арчевал» плюшевого мишку. Первая награда — и в этом заслуга матери — премия, полученная на конкурсе в Москве.

Как и отец, он стал врачом. Кандидатскую диссертацию защитил, работая в сельской больнице. Затем — докторская, профессора в Азербайджанском медицинском институте, научные труды, операции. Их уже более десяти тысяч.

Мало кто знал, что Ибрагим Топчибашев, рабочий день которого расписан по минутам, по-прежнему верен музыке. Ритмы и мелодии возникают неожиданно. Их навевают голоса города, звонкий шелест листвы, шум близкого, всегда бодрствующего моря. Так родилась «Песня о Баку», которую вы услышите на двенадцатой звуковой странице.

Пластинки с песнями хирурга имеют эмблему: скальпель на нотных линейках. Они издаются в нашей стране и за рубежом.

Баку.

Р. СТАТИВИН

Художник В. Шапов,
Техн. редактор Л. Петрова,
Режиссер Н. Субботин.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Адрес редакции: Москва, Пятницкая ул., 23.

Телефоны редакции: В 3-74-42; В 3-74-59.

Б 03760.

Подписано к печати 17/III 1963 г.

Формат бумаги 84×108¹/₁₆.

Бум. л. 0,5.

Печ. д. 1.

Тираж 150 000 экз.

Заг. 640.

Цена 1 руб.

Ордена Ленина типография газеты «Правда»
имени В. И. Ленина.

ЯПОНИЯ СЛУШАЕТ

На обложке по-русски: «В. И. Ленин», и по-японски: «Сборник речей Ленина». Так выглядит звуковой журнал, выпущенный в Токио объединением «Асахи-Сонорама». В Японии давно издаются произведения Ленина. Теперь — живой голос: на двух пластинках девять речей.

В журнале можно прочитать воспоминания японцев, которые слышали Ленина. Это японский революционер Сен Катама, бывший премьер-министр Хигоси Асида, корреспондент газеты «Асахи» Кио Накахира.

Спусти неделю после выхода журнала у нас в издательстве на десятки тысяч экземпляров не осталось ни одного. Трудно найти его и в магазинах. В редакции много писем со всех концов страны. Мы хотим выпустить дополнительный тираж.

Юдзи ТАКАСАХИ,
заместитель редактора
«Асахи-Сонорама»

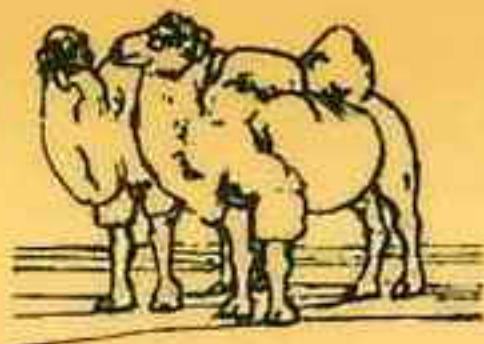
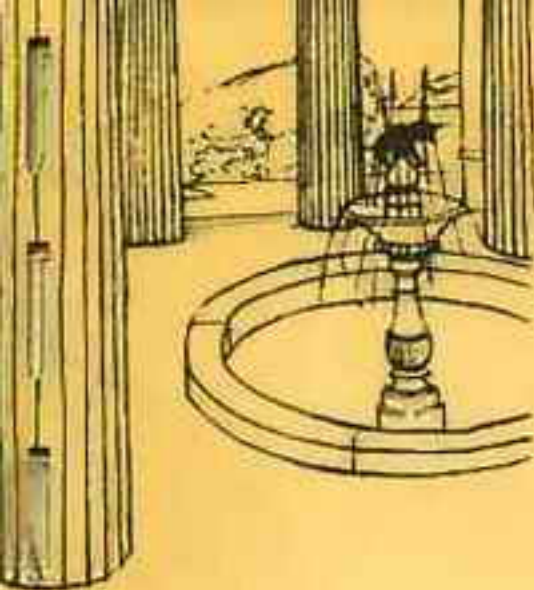
Токио.

В НОМЕРЕ:

1. Звуковая Лениниана. В. И. Ленин о коммунистическом труде.
2. Андрей Вознесенский. «Лонжюмо».
3. Последние минуты героя Кубы.
4. Нет ничего дороже. Документальные записи: подвиг в Арктике.
5. Дмитрий Шостакович: «Казнь Степана Разина».
6. Играет Александр Скрябин.
7. Я. Смородинский. Раздумья ученого: Вечный поединок с природой.
8. Песни шансонье Монтегюса.
9. Страница романтиков: «Морзянка», «Сыновья».
10. Новые имена. Анатолий Соловьяненко — тенор из Донецка.
11. Премьеры: «Ты как песня», «Просто так».
12. Приглашаем: танцуйте летяски!

Звуковые страницы подготовлены Всесоюзной фирмой «Мелодия» и Государственным домом радиовещания и звукозаписи.

На первой странице обложки: граюра А. Д. Гончарова.

Рисунки
В. А. Жуковского
хранятся
в научной библиотеке
Государственного
Эрмитажа.
Публикация
подготовлена
для журнала
А. Коробочко
и Н. Черниковым.

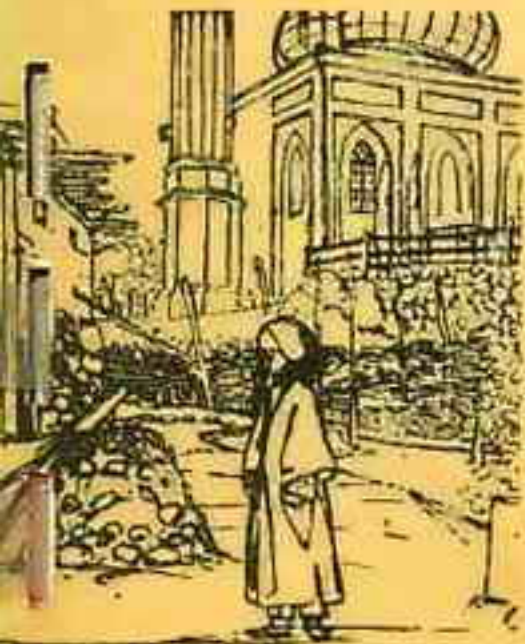

Сентябрь 1837 года. Василий Андреевич Жуковский путешествует по югу России. По этим дорогам семнадцать лет назад ехал Пушкин. Он вспоминает его, Пушкина, арзамасского Сверчка, гримасничающего, хохочущего, мальчишку еще совсем.

Но он писал уже тогда о нем, этом мальчишке: «Милое и живое творение! Это надежда нашей словесности»... Будут идти года, меняться времена, четырнадцатое декабря разрубит историю на «до» и «после», а этот Сверчок, мальчишка, юноша будет мужать и писать стихи, озорные и печальные, горькие, прекрасные стихи, и все дальше и дальше в тень будет отходить Василий Андреевич, удивляясь этому гению, и любя его, и стараясь уберечь от царского гнева, от слов неосторожных.

И не сбережет от пули. И в февральский подсиненный день выйдет Василий Андреевич на крыльцо пушкинского дома и снажет: «Пушкин умер...» И снова он будет стараться сберечь его, уже мертвого, от царского гнева, от слов неосторожных. Он придумает ему предсмертное покаяние, он впишет свои строчки в его «Памятник». Но сейчас он не помнит своих строчек, он повторяет те, зачеркнутые: «...в мой жестокий век восславил я свободу...»

Путь воспоминаний

Он едет по Крыму. Этот путь — путь воспоминаний. Воспоминаний о погибшем друге. «Фонтан любви, фонтан живой...», «Погасло дневное светило»... Бахчисарай, Гурзуф... Здесь смеялся и грустил Пушкин. Смотрел на эти скалы, дома, кипарисы... И, весь полный Пушкиным, ступая в его следы, Жуковский рисует эти скалы, дома, кипарисы, на которых еще, может быть, не остыл взгляд того, кто совсем недавно, поверотившись лицом к стене, прошептал: «Жизнь кончена...»

1837 год. Год смерти Пушкина. Жуковский зарисовывает пушкинские места.

Цена 1 руб.

ТИКСИ, РАВЗДРАВ
Слушайте в номере репортаж
«Нет ничего дороже».

ИЗДАТЕЛЬ: ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ СОВЕТА МИНИСТРОВ СССР ПО РАДИОВЕЩАНИЮ И ТЕЛЕВИДЕНИЮ